

История науки

От редакции

Открывая в журнале раздел «История науки», мы хотели бы не ограничиваться публикацией в нем кратких биографий ученых прошедших поколений, воспоминаний отдельных археологов о тех или иных событиях, людях, экспедициях и пр., но и помещать в него работы крупнейших ученых, по какой-то причине не опубликованные своевременно, при жизни этих исследователей, и обнаруженные в их архивах.

Представленная статья М. И. Артамонова, посвященная им памяти И. И. Ляпушкина, пролежала в архиве почти 20 лет. Это его последняя работа, возможно, не вполне еще законченная, с точки зрения очень требовательного к себе автора. Тем не менее она, безусловно, заслуживает публикации. В ней М. И. Артамонов охватил весь имевшийся в то время обширный изданный материал, учел и оценил чужие гипотезы и построил собственную стройную концепцию о начальных шагах русской государственности на совершенно новых для историков источниках — археологических.

Следует сказать, что при подготовке рукописи к печати пришлось несколько сократить ее объем (примерно на 0,5 печ. л.). Мы сочли возможным удалить из текста страницы, посвященные излишне резкой полемике автора с покойным П. Н. Третьяковым. По существу она даже мешала восприятию системы взглядов М. И. Артамонова. Поскольку вся статья в целом имеет вполне определенную направленность против концепций П. Н. Третьякова, суть спора этих двух ученых передана полностью.

М. И. АРТАМОНОВ

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Древняя история славян, как она вырисовывается по бесспорным археологическим данным, во многом совпадает с выводами историков, основанными на письменных источниках. Археология вносит в них, однако, важные коррективы и обогащает знаниями таких сторон истории славян и руси, какие в материалах письменности не освещены или же получили очень слабое отражение. И. И. Ляпушкину с его требовательностью к документальной обоснованности любого заключения и скепсисом к идущим впереди фактов теориям в значительной степени принадлежит заслуга возвращения славяно-русской археологии из области произвольных построений и догадок на почву строго проверенных данных.

В предлагаемой статье я выступаю против утвердившихся в археологии мнений, в отношении которых и я ранее занимал колеблющуюся позицию, в частности о славянстве зарубинецкой культуры, длинных курганов и сопок, и в соответствии с этим отношу начало заселения славянами лесной полосы

Восточной Европы не к первым векам н. э., не к VI, а к IX в., что вынуждает к пересмотру проблемы славяно-норманнских отношений, а вместе с тем и процесса образования Древнерусского государства.

В своей работе я опираюсь на труды И. И. Ляпушкина, хотя не со всеми его положениями считаю возможным согласиться, в особенности в тех, довольно многочисленных случаях, когда он занимает уклончивую позицию в ожидании более определенных данных по тому или иному вопросу. В таких случаях я беру на себя смелость давать прямые ответы, пользуясь теми материалами, какие имеются в наличии, и не избегаю гипотетических решений.

Конечно, не все возможные на данном этапе развития нашей науки заключения обоснованы достаточным количеством фактов, многое еще остается областью догадок по отдельным разрозненным намекам, содержащимся в памятниках прошлого, но главное состоит в том, чтобы заключения не были беспочвенными и не противоречили твердо установленным сведениям и друг другу. Необходимость же в обобщении накопившихся частных наблюдений в широкую картину возникновения Русского государства совершенно несомненна, так как только при этом может быть правильно оценена совокупность имеющихся данных и выявлены вопросы, требующие дополнительных исследований путем ли накопления и более тщательной обработки археологических материалов или новой интерпретации такого ряда источников.

Ко времени возникновения Русского государства у славян уже давно существовала частная собственность, и, хотя земли еще находились в общинном владении, были среди них богатые и бедные, знатные и рядовые члены общества, свободные и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые, были ремесленники, купцы и воины. Правда, все это находилось еще в зачаточном состоянии и требовало соответствующих условий для своего развития. Авторитет вождя уже превращался в наследственную привилегию, он распоряжался общественным имуществом и имел право собственности на него; обычаи коллективного труда становились формами эксплуатации соплеменников. Общественные обязанности становились повинностями в пользу общинных властей. Все это подтверждается как археологическими данными, так и известиями византийских авторов о славянах, появившихся на Дунае в VI в. н. э.

Лучше других осведомленный о событиях своего времени, византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский утверждает, что славяне не управлялись одним человеком, а издавна жили в демократии [1, с. 297]. Другой византийский писатель — псевдо-Маврикий подтверждает, что славяне не имеют над собой главы и враждуют друг с другом [2, с. 37], т. е. при решении общих дел спорят и ссорятся между собой. Из этого не следует, что у славян отсутствовала политическая организация, что у них не было объединений по родам, общинам, племенам или областям и что они не создавали временных союзов для достижения общих целей.

Готский историк Иордан, писавший (как и названные византийские авторы) в VI в., сообщает, что после смерти готского короля Германариха и бегства под ударами гуннов части готов (визиготов) в пределы Римской империи в 376 г. другая часть готов (остроготы) покорилась гуннам и осталась на прежнем месте. Король этих готов Винитарий, стремясь возродить мощь готов, напал на своих соседей антов, ранее находившихся в подчинении готов, а с появлением гуннов ставших самостоятельными. Готам удалось захватить главу антов (рикса) Божа. Чтобы окончательно дезорганизовать побежденных, Винитарий приказал публично казнить (распят) Божа с его сыновьями и 70 «приматами» — старейшинами [3, с. 115]. Из этого следует, что в конце IV в. у восточной части славян — антов были общий вождь и «начальники» более мелких подразделений — общин. Ту же картину дает Менандр, освещающий события VI в. — борьбу наследовавших гуннам куртигуров с теми же антами. Не будучи в состоянии справиться с антами, куртигуры натравили на них своих союзников авар, вторгшихся в 558 г. в степи Северного Причерноморья. Когда

к аварам прибыл антский посол Мезамир, брат Келагаста и сын Идаризия, и своей надменностью восстановил их против себя, кутригуры подговорили убить его и тем сорвали переговоры. После этого авары «пуще прежнего стали разорять землю антов, не переставая грабить ее и порабощать жителей» [4, с. 324, 325]. Мезамир был лицом, пользовавшимся большим влиянием у антов, во главе которых стоял, по-видимому, его брат Келагаст. Так как братья названы именем их отца Идаризия, то можно полагать, что занимаемое ими положение было наследственным.

Точное местоположение антов остается неизвестным, но, судя по событиям, описанным Иорданом, они в IV в. жили где-то в пределах так называемого Готского царства, т. е. в области распространения черняховской культуры или в близком соседстве с ней.

Мы не будем задерживаться на рассмотрении остродискуссионных вопросов о местонахождении славян до их вступления на историческую арену и о славянской археологической культуре до VI в. н. э. Отметим только, что на этот счет существуют две тенденции, одну из которых принято называть миграционистской, а другую — автохтонистской. И та, и другая представлены различными оттенками и разной степенью агрессивности. Особой нетерпимостью отличается вторая из них, стремящаяся из чувства ложного патриотизма максимально расширить пределы славянской прародины или по крайней мере доказать глубокую древность проживания славян на занятой ими территории.

При рассмотрении этих важнейших для истории славян вопросов следует помнить, что народ (этнос) — категория историческая, с течением времени он изменяется. В истории этноса действует множество факторов внешнего и внутреннего порядка, под влиянием которых и происходят то более, то менее существенные перемены. Они охватывают не одновременно и не все признаки данного народа. Одни из них оказываются более, а другие — менее устойчивыми, одни остаются неизменными, тогда как другие исчезают и их место занимают совершенно новые черты. Остающиеся неизменными или слабо изменяющиеся признаки связывают между собой различные периоды истории народа и определяют его единство во времени и в пространстве. Они составляют то, что можно назвать этнической традицией [5].

При ретроспективном археологическом изучении того или другого народа неизбежно наступает момент, когда признаки, заключающиеся в его материальной культуре, полностью исчезают и исследователь оказывается не в состоянии проникнуть в его более отдаленное прошлое. Происходит ли это в силу недостаточности имеющихся археологических данных или коренных изменений в жизни народа, в данном случае неважно, но предел, за которым место бесспорных знаний занимают более или менее вероятные предположения, существует. Для славян такой момент еще 30 лет назад относился к VIII в. н. э. Последующие археологические открытия позволили отодвинуть его в VI в. Более древняя этническая история славян пока остается в области гаданий, хотя письменные известия о них под именем венедов уходят еще в первые века н. э. Они помещались в то время на землях между Карпатами и Балтийским морем. Однако как памятники, так и территория венедов остаются не установленными. Историческое предание, сохраненное Иорданом, сообщает о событиях, происшедших в IV в., — о борьбе между готами, с одной стороны, и венедами с их восточным подразделением, антами, — с другой, но археологически это сообщение не подкрепляется, и только предположительно анты локализируются в Западной Подолии, а венедам в целом приписывается пшеворская культура Польши [6, с. 107 и сл.].

В VI в., по данным Иордана, анты занимали область на изгибе Понта (Черного моря) и Днестра [3, с. 72], т. е. в северо-западном Причерноморье, но не в степях (так как это были оседлые земледельцы), а скорее всего в лесостепной зоне от Днестра до Днепра, где известны бесспорно славянские археологические памятники VI в. с керамикой пражского и корчакского типов [7, с. 93 и сл.],

Находились ли там же славяне в VI в., неизвестно, так как относящиеся к этому времени славянские памятники остаются не установленными. Правда, некоторые основания для выделения славян в составе населения черняховской культуры на верхнем Днестре указывает В. Д. Баран [8, с. 43 и сл.].

Соседями антов в VI в. была западная группа гунно-болгар — кутригуров, владевших степью и частично лесостепью по обе стороны нижнего и среднего Днепра, а также степями северо-западного Причерноморья. Здесь располагались их становища с керамикой пеньковского типа и с металлическими вещами, известными покладам и отдельным находкам. Они особенно многочисленны на Пастырском городище в бассейне Тясмина, по имени которого вся культура может называться пастырской, а не антской [9] или росской [10], как ее именовали ранее, и не мартыновской, названной А. Феттихом по имени одного из характерных для этой культуры кладов, отнесенных этим автором к кутригурам [11].

Некоторые археологи, хотя и вынуждены признать общий облик пастырской культуры не соответствующим одновременной ей славянской культуре, выделяют в ее составе в качестве славянского элемента керамику пеньковского типа. Считая ее специально антской, одни производят характерные для этой керамики формы из лепной керамики черняховской культуры [12, с. 39], а другие — из керамики Верхнего Поднепровья (точнее — Среднего Подесенья), где они, являясь наследием зарубинецкой культуры, распространились в Среднее Приднепровье [13, с. 228 и сл.; 14, с. 52 и сл.].

Происхождение пеньковской керамики пока остается не установленным. От лепной черняховской она отличается характерным реберчатым перегибом у части сосудов примерно на середине их высоты, а от верхнеднепровской керамики — тем, что пеньковские сосуды представляют биконические, а не цилиндроконические формы и вовсе не имеют лошения. Кроме того, на пеньковской керамике встречаются налепные валики и сосочки, каких нет ни у черняховских, ни у верхнеднепровских сосудов, хотя они и встречаются на керамике зарубинецкой культуры. По времени возникновения пеньковская керамика, возможно, древнее пастырской культуры со всей совокупностью остальных характеризующих последнюю признаков, так как известен ряд поселений с одной лишь пеньковской керамикой, без других элементов пастырской культуры. К тому же незначительно углубленные землянки, обнаруженные на некоторых из этих поселений, как будто бы свидетельствуют об оседлом быте их населения, тогда как для гунно-болгар был характерен кочевой образ жизни. Думается, правомерно предположить, что ранний период бытования этой керамики может относиться ко времени между исчезновением черняховской культуры и возникновением пастырской, т. е. к V — первой половине VI в., ввиду чего ее естественно было бы отнести к остаткам оседлого населения черняховской культуры. Однако распространение пеньковской керамики много шире черняховской культуры [15, с. 317, 318; 16, с. 54; 17, с. 63; 18, с. 72—74; 19, с. 145 и сл.; 20, с. 161 и сл.; 21, с. 320 и сл.; 22, с. 317 и сл.; 23, с. 251, рис. 12, 6; 13, 6], поэтому связывать ее происхождение с последней пока преждевременно. Установленным можно считать только, что пеньковская керамика является составной частью пастырской культуры, принадлежавшей тому населению Северного Причерноморья, которое в VI в. стало известно под именем кутригуров [24, с. 118—132; 25, с. 3—37; 26, с. 1—9].

Эти последние представляли собой гуннов, смешавшихся с различными другими народами, входившими в созданное ими объединение. Кроме явившихся из Азии тюрков в нем были угры, иранцы, германцы и другие этнические образования, ассимилированные гуннами и в целом составившие тюрко-болгар. Следы происхождения отдельных их компонентов в настоящее время не поддаются определению, но они могли сохраняться в рамках тюрко-болгарской общности как в то, так и в более позднее время.

К берегам Днепра собственно славянские поселения подходили только в

районе Киева [27, с. 289—292]. В основном они располагались в бассейне р. Тетерев, и верхнем течении Южного Буга [7, с. 94]

Русская летопись сохранила воспоминание о притеснениях, которым подвергли авары славянское племя дулебов, живших на Буге, «где ныне волынские» [28, с. 14]. Речь идет о Западном Буге — современной Волыни. Волынь и Подолия в VI в. были заселены славянами, культура которых была фактически идентична культуре славян, заселявших другие области славянского расселения. Исключением, возможно, были венеды — западная группа славян, культура которых в настоящее время еще неизвестна. Притеснение аварами дулебов могло иметь место во второй половине VI — первой четверти VII в., так как после неудачной осады Константинополя в 626 г. начался развал Аварского каганата. После смерти хана Баяна в 630 г. положение внутри каганата еще более осложнилось из-за соперничества между аварами и увлеченными ими на запад (в Среднее Подунавье) кутригурами. Каждая из этих частей каганата добивалась признания ханом своего кандидата. В разгоревшейся между ними войне кутригуры были побеждены и бежали из Паннонии к франкам, а их соплеменники в Поднепровье отложились от авар и вошли в состав возникшего около этого времени в восточной части Северного Причерноморья Болгарского государственного объединения, так называемой Великой Болгарии [29, с. 112, 160 и сл.]

Освободившиеся от аварской зависимости славяне в Словакии и Моравии образовали самостоятельное государство Само [30]. Тогда же или вскоре после этого появилось и известное арабскому географу Масуди Волынское славянское объединение (Валинана) во главе с Маджаком. Поскольку других сведений об этом объединении не сохранилось, размеры его и продолжительность существования остаются неизвестными. Следует помнить, что Масуди писал свое сочинение в X в., используя более древние источники. В его же время Валинаны уже не было. Она распалась, видимо, как и десятки аналогичных образований, из-за раздоров между составлявшими ее территориальными образованиями. Каждое из них, согласно Масуди, избрало своего «царя» [31, с. 135—138]. Русская летопись кроме волынских-бужан знает в юго-западной части Русского государства, между Западным Бугом и Днестром, Припятью и Дунаем, дреговичей, древлян, уличей, тиверцев, возможно, представлявших те части, на которые распалось в свое время Волынское объединение.

Обращает на себя внимание географическое значение некоторых племенных наименований. Так, древляне — жители лесов, дреговичи — болот. Имя «уличи» в варианте «угличи» может быть сопоставлено с обозначением междуречья Днестра и Дуная — Онгл, т. е. угол [28, с. 14]. Географическое обозначение племен свидетельствует, очевидно, о том, что летописные племена не были, конечно, племенами в собственном смысле этого слова. Это были, безусловно, территориальные объединения [32, с. 134 и сл.]. В древнерусском языке словом, соответствующим по значению термину «племя», было «род» с названием по эпониму, таким, как Радим или Вятко, хотя общественные образования с такими наименованиями вряд ли объединяли только членов одного происхождения. При этом фикция родства могла существовать. Территориальные объединения состояли, видимо, из таких «родов», а имя одного из них иногда переходило на все объединения, как это случилось с радимичами и вятичами. Некоторое представление о социальной организации земель, или княжений (как в летописи обозначаются так называемые «племена»), дают сведения о древлянах, у которых кроме общего князя, соответствовавшего «риксу» более древних источников, были и другие местные правители, именуемые летописцем «лучшими людьми», а Иорданом — «приматами» [3, с. 115].

Первым среди властителей, обособившихся после распада Волынского объединения славянских территориальных объединений, Масуди называет Дира [31, с. 137], а опирающаяся на народные предания русская летопись связывает его с другим князем — Аскольдом, а обоих — с Киевом [28, с. 19].

Это были киевские князья, жившие, судя по сохранным летописью сведениям, во второй половине IX в. Исходя из этого можно предположить, что распад Валинаны относился к сравнительно недавнему от этой даты времени, а значит, это объединение просуществовало примерно 150—180 лет (с середины VII до начала IX в.).

Характерным явлением славянской истории со времени, предшествовавшего возникновению Русского государства, было расселение славян по Восточно-Европейской равнине.

К западу от Днепра, на Волыни и в Подолии, они выступают в археологических памятниках одновременно со славянами, действовавшими, согласно письменным источникам, в Прикарпатье и Подунавье в VI в. н. э., однако, судя по распространению памятников корчакского типа, еще не заселяют побережья среднего Днепра, за исключением, как уже говорилось, наиболее северной его части — окрестностей Киева [27]. Нет их в это время ни в средnedнепровском Левобережье, ни в бассейне верхнего Днепра. Верхнее Поднепровье от Припяти и Десны с Сеймом в это время занимал балтские (летто-литовские) племена, среди которых восточнее собственно Прибалтики различается несколько территориальных групп, представленных особыми археологическими культурами. На севере они охватывали бассейны Западной Двины, рек Великая и Ловать, а также верхнее течение Оки, где граничили с финно-угорским населением, не соприкасавшимся тогда со славянами [33, 34].

Первым делом самостоятельного Хазарского каганата, возникшего в середине VII в. в Северном Дагестане и на нижней Волге, было покорение родственного хазарам объединения тюрко-болгар, к тому времени опять распавшегося на части. Под ударами хазар часть болгар устремилась на север — в бассейн Дона и на среднюю Волгу, а часть (под именем «оногуры») под предводительством Аспаруха двинулась из Приазовья на запад — к Днепру и Дунаю. Преследовавшие их хазары столкнулись с занимавшими в это время обе стороны нижнего и среднего Днепра болгарами-кутригурами и разгромили последних [29, с. 170 и сл.]

Победа над болгарами досталась хазарам дорогой ценой. В Надпорожье и в полтавском пограничье с лесостепью обнаружен ряд богатых комплексов вещей, которые обычно относились к категории кладов. Однако более серьезное исследование показало, что это остатки погребений посредством трупосожжения, инвентарь которых существенно отличается от содержания кладов пастырской культуры, хотя и относится к одному с ними времени [35, с. 61 и сл.]. Самым замечательным из этих комплексов является «клад», найденный у д. Малая Перещепина Полтавской обл. Кроме дорогих предметов, относящихся к вооружению, конскому снаряжению и личным украшениям, в нем оказалось много золотых и серебряных сосудов византийского, иранского и согдийско-тюркского происхождения [36, 37]. Если даже перещепинское сокровище не приношение умершему для его загробной жизни, а клад, спрятанный в землю в момент большой опасности, угрожавшей его владельцу, все равно оно принадлежало очень богатому и знатному лицу, каким мог быть предводитель хазар в войне с болгарами. Золотая византийская посуда и наградные византийские монеты в этом сокровище напоминают рассказ византийских писателей о приеме тюркского кагана и его вельмож императором Ираклием в 627 г. под Тбилиси, когда гости были награждены дорогой посудой с пиршественного стола [38, с. 355; 39, с. 235; 40, с. 59, 159].

Владелец перещепинского сокровища мог быть одним из тюрко-хазарских вельмож, присутствовавших на этом приеме, а затем, после того, как Хазария из провинции Западно-Тюркского каганата превратилась в независимое государственное объединение, — предводителем хазарского войска на западных землях — в войне с болгарами.

Эта война принесла разгром кутригурам. Часть их ушла вместе с восточно-приазовскими оногурами на Дунай, а часть укрылась в лесах средnedнепровского Левобережья. Не исключено, что довершение разгрома кутригуров было

поручено славянам, занявшим затем их территорию. Следов пребывания хазар в лесостепном Левобережье не обнаружено, а клады с вещами пастырских типов не все зарыты в одно время. Так, Харивский клад [41, с. 109 и сл.], спрятанный в горшке волынцевского типа, представлявшем собой видоизмененные формы пастырской керамики, относится к более позднему времени, чем другие. Продвигаясь в Левобережье, славяне частью присоединяли к себе, а частью оттесняли кутригуров на восток. Возможно, именно с ними следует связывать погребения с трупосожжениями и волынцевской керамикой, известные в настоящее время в бассейне Дона и на Волге [24, с. 127, 130, 131].

После победы над кутригурами славяне, получившие доступ к Днепру, заселили лесостепную полосу среднеднепровского Левобережья, где они хорошо известны по памятникам роменской культуры [42, с. 238 и сл.], имеющим близкие аналогии в славянской культуре того же времени в Правобережье Днепра, представленной поселениями типа Лука Райковецкая и Григоровка [43, с. 283 и сл.; 44, с. 107 и сл.] Поскольку, как нам представляется, славяне овладели Средним Приднепровьем с согласия хазар и при их содействии, то, поселившись здесь, они оказались данниками Хазарского каганата. По сообщению русской летописи, платили дань хазарам поляне, северяне, радимичи и вятичи, т. е. те группы славян, которые поселились на земле, захваченной у кутригуров, или в ближайшем соседстве с этой землей.

В то время, когда славяне расселялись по днепровскому Левобережью, междуречье Северского Донца и Дона было, видимо, уже занято переселившимися туда из Центрального Предкавказья аланами [45, с. 145 и сл.; 46, с. 91, рис. 23, 3], спасавшимися от участвовавших в первой половине VIII в. нападений арабов из Закавказья. Поэтому расселение славян дальше на восток пошло в обход аланских владений — по северной их границе и достигло среднего Дона только в IX в. [47, с. 152 и сл.] По всей лесостепной полосе от Днепра до Дона славяне, очевидно, не встретили, кроме алан, другого сплошного оседлого населения. Сохранившиеся кое-где остатки предшествующего населения этой полосы они ассимилировали, чем и объясняется примесь к славянской культуре роменского типа некоторых элементов волынцевского типа, главным образом в виде характерных лепных или сделанных на гончарном круге округлобочковых сосудов с цилиндрическим горлом, иногда украшенных пролощенным орнаментом того же рода, что и распространенный на посуде ремесленного производства пастырской культуры [42, с. 238]. Волынцевская керамика и некоторые другие связанные с ней культурные элементы, влившись в славянскую культуру днепровского Левобережья, такие, например, как височные кольца с закрученным в спираль концом [48, с. 68, 90], представляют собой наследие пастырской культуры. Вместе с тем следует отметить, что волынцевская керамика встречается только на части роменской территории и вклад «пастырцев» в славянскую культуру был невелик и не сказался в ней, хотя образование северян, вполне вероятно, связано с ассимилированными славянами северянами, входившими в состав кутригуров¹

Заселение славянами освобожденной от кутригуров лесостепной полосы происходило под эгидой хазар беспрепятственно. С иным положением славяне столкнулись на Десне и Сейме, в полосе смешанного леса, издавна занятой балтами. Там они могли обосноваться, только оттеснив или уничтожив аборигенов. Уже в IX в. славяне овладевают этой территорией, а в начале X в. занимают левый берег верхнего Днепра до верховий Десны и верхнее течение Оки, где летопись размещает по р. Сож радимичей, а по р. Сейм до верхней Оки — вятичей [28, с. 14]

По летописи, радимичи и вятичи происходили «от рода ляхов» т. е. от западных славян. Археологического подтверждения этому не обнаружено, но гидро-

---

¹ Путивльские и рыльские северюки-севры были известны еще в XVI в. От их имени ведет свое название р. Северский Донец.

ника радимиичской земли дает некоторые основания предполагать, что эти славяне вышли с верховий Днестра [34, с. 131—143], что, возможно, и послужило основанием летописцу причислить их к западным славянам. Как бы там ни было, но и радимиичи, и вятичи поселились на землях, указанных в качестве их местожительства, не раньше IX—X вв., так как более древних памятников на этих землях не обнаружено [34, с. 134]

Наступление славян на балтов происходило и по другую (правую) сторону Днепра. К IX в. они перешли через Припять и заняли левобережье этой реки, о чем свидетельствуют имеющиеся там курганы с трупосождениями и лепной керамикой IX — начала X в. [34, с. 83]. Формирование на этой территории дреговичей, как и радимиичей и вятичей по другую сторону Днепра, происходило при участии местного балтского субстрата.

Что же касается роменской культуры, то, как говорилось, она плотно вписывается в географические границы лесостепи днепровского Левобережья. Кроме того, памятники роменской культуры известны и на нижней и средней Десне, по Сейму, на верхней Оке и в Верхнем Поднепровье. Весьма существенно отметить, что в лесной полосе, по заключению И. И. Ляпушкина, «достоверно славянских поселений VIII — первой половины IX в. мы пока совсем не знаем», а «наиболее ранние достоверно славянские могильные памятники (курганы) в большей своей части относятся уже к IX в.» [49, с. 172].

О культуре населения лесной полосы до внедрения в нее роменских элементов лучше всего можно составить представление по материалам двух полностью раскопанных городищ-убежищ: Колочинского, расположенного на правом берегу Днепра южнее г. Речицы, и Тушемлинского в верховьях р. Сож. И то, и другое закончили свое существование в результате опустошительных пожаров, в огне которых погибли и другие частично исследованные археологами городища этой культуры, примерно в VIII — начале IX в. В порядке обоснования этой даты П. Н. Третьяков использует показания радиоуглеродного анализа, сделанного по материалам трех городищ (960 ± 150 , 980 ± 90 , 950 ± 120) [49, с. 17, 107, 112], а также факты расположения длинных курганов на месте поселений с культурой верхнего слоя городища Тушемля. Так, на месте поселения у д. Слобода Глушица находились длинные курганы, насыпанные из культурного слоя городища. То же прослежено и на берегу Акатовского озера [49, с. 33, 34, 59]. Длинные же курганы, как известно, в Верхнем Поднепровье датируются не раньше VIII в. Тот же результат был получен Э. А. Сымоновичем при радиоуглеродном анализе материала с Колочинского городища (920 ± 120) [50, с. 135, примеч. 41].

Все среднеднепровские поселения с керамикой пеньковского типа П. Н. Третьяков рассматривает как прямое продолжение культуры, сложившейся в Верхнем Поднепровье путем смешивания принесенной славянами зарубинецкой культуры с туземной — балтской и считает их принадлежавшими восточной ветви славян — антам, которые после разгрома гуннами готов продвинулись на освобожденную от последних территорию. В основном свои выводы он основывает на сходстве реберчатой керамики, которая, по его мнению, различается только тем, что в Верхнем Поднепровье распространены цилиндрикоконические формы, каких в Среднем Поднепровье нет, потому что пеньковская керамика более поздняя, со временем несколько, естественно, изменившаяся [51, с. 110]

При этом П. Н. Третьяков оставил без внимания статью И. П. Русановой, в которой она пишет по данному вопросу следующее: «В целом округлые и биконические сосуды типа Пеньковки коренным образом отличаются от вытянутых и почти не профилированных сосудов типа Колочин — Тушемля... Несмотря на некоторые точки соприкосновения, различия керамических комплексов Пеньковки и Колочина — Тушемли настолько велики, что „реберчатая керамика, характерная для ранних тясминских, надпорожских и верхнебугских поселений, могла иметь лишь верхнеднепровское происхождение“» [52, с. 149].

Нам остается только присоединиться к этому заключению. Самое же существенное в статье И. П. Русановой — то, что она, внимательно проследившая развитие славянской керамики от корчакских форм в типы, характерные для Луки Райковецкой, не обнаруживает никакой преемственности между бесспорно славянской и пеньковской керамикой [52, с. 146, 147; 53, с. 188].

Очевидно, в настоящее время можно считать доказанным прежде всего, что совокупность памятников пеньковско-пастырского типа можно считать отдельной культурой. Для Б. А. Рыбакова, именовавшего эту совокупность древностями русов, даже вопроса о такой правомерности не существовало [10, с. 63 и сл.]. Еще раньше А. А. Спицын, выделяя древности антов, представлял их как культуру с определенным этническим содержанием. Таким образом, археологи, в том числе и П. Н. Третьяков [54, с. 186], пришли к единодушному мнению, что перед нами культура с четко выраженными этнографическими признаками²

Общая характеристика этой культуры дана Б. А. Рыбаковым и Г. Ф. Корзухиной [10, 35]. В своих работах я тоже приводил сведения относительно ее отличительных признаков [25, с. 23 и сл.], из которых особое внимание всех, кто занимался этой культурой, привлекали большие пальчатые фибулы, и в их числе своеобразные антропологические экземпляры, хотя и близкие типологически среднедунайским, но, несомненно, местного производства.

В качестве одного из доводов против кутригурской принадлежности пастырской культуры П. Н. Третьяков выдвигает нехарактерный, по его мнению, для кочевников костюм, в который входили своеобразные украшения и парные фибулы. «Перед нами,— говорит он,— средневропейский убор, распространенный в латенское время и появившийся в Поднепровье с зарубинецким населением» [51, с. 111]. Вот именно — средневропейский, представленный в аваро-кутригурских памятниках Среднего Подунавья, где авары и кутригуры унаследовали многие элементы предшествующей им гепидской культуры, в частности парные пальчатые фибулы, а также звездообразные серьги. Думаю, от них эти элементы проникли и в славянский костюм, но у славян фибулы в отличие от серег не получили такого развития, как у поднепровских кутригуров, у которых возникли, как говорилось, местные варианты этого рода украшений. Прямые свидетельства существования местного ремесла содержатся вкладах пастырской культуры, в ряде случаев состоявших из металлического лома и незаконченной продукции, явно принадлежавших ювелирам-ремесленникам. Наличие кузнечного производства подтверждается находкой остатков кузницы на Пастырском городище [55, с. 102 и сл.]. Что касается керамики, совсем неизвестной в свое время Б. А. Рыбакову и Г. Ф. Корзухиной, то она представлена теперь не только грубой лепной, домашней выделки посудой пеньковских типов, но и высококачественными сосудами, изготовленными на гончарном круге и обожженными в гончарных печах. Такие сосуды обнаружены на Пастырском городище и на других поселениях вместе с пеньковской керамикой. Их нередко сравнивают с лощеной керамикой, широко распространенной в аланской среде Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры. Однако с ней пастырская керамика сходна только украшениями в виде лощеных бороздок и налепных валиков. По формам же ее широкогорлые круглобокие горшки и средней величины кувшины вытянутых пропорций, с одной или двумя ручками и широким горлом резко отличаются от аланской посуды. В то же время многочисленные и весьма близкие аналогии ей хорошо известны в Дунайской Болгарии, куда она проникла, вероятно, вместе с болгарами-кутригурами.

---

² Правда, стоило эту устойчивую совокупность памятников назвать «пастырской культурой» и отнести не к славянам, а к древним болгарам-кутригурам, как П. Н. Третьяков перестал называть ее культурой. Это оказалась только область контактов двух культур, из которых одна — славянская, а другая (более южная) — кочевническая.

Новым элементом, не учтенным мною в предшествующих работах, являются относящиеся к пастырской культуре небольшие грунтовые могильники с погребениями, совершенными посредством трупосожжения [56, с. 58 и сл.]. Однако наряду с трупосожжениями существовали и трупоположения, более распространенные у донских болгар. Вероятно, погребения с трупосожжениями распространялись в Дунайской Болгарии не с приазовскими оногурами, а с кутригурами.

Славянская культура VIII—X вв. по обе стороны среднего Днепра не связывается ни с балтской культурой лесной полосы, ни с пастырской культурой Поднепровья. В ней нет ни керамических форм, характерных для балтской посуды второй половины I тыс., ни сосудов с пролощенным орнаментом, встречающихся в пастырской культуре, почти нет (очень мало) металлических вещей балтских типов и известных по кладам и случайным находкам серебряных и бронзовых украшений пастырских типов. Это — культура, связанная происхождением с более ранней славянской культурой Воьлини и Подолии — с пражско-корчакской керамикой и лишь с немногими элементами, вошедшими в нее на левой стороне Днепра вместе с остатками прежнего населения с его волынцевской культурой, представляющей собой прямое продолжение пастырской культуры.

Только после освоения славянами Среднего Поднепровья начинается продвижение их на верхний Днепр и на верхнюю Оку, на исконную балтскую территорию. Памятниками этих славян В. В. Седов считает длинные курганы с трупосожжениями, появляющиеся в Псковской обл. в VI—VII вв., а в бассейне Западной Двины и верхнего Днепра датирующиеся VII—X вв. [34, с. 92 и сл.] Тот факт, что длинные курганы иногда находятся в могильниках вместе с типичными для славян полусферическими насыпями, не доказывает происхождения вторых от первых, поскольку и в тех, и в других встречены совершенно одинаковые погребения, и те, и другие существовали одновременно. Так как большинство длинных курганов образовалось путем подсыпок, связанных с присоединением к старым погребениям новых, исходной формой каждого из них была небольшая круглая насыпь. Такие насыпи, не получившие дальнейшего развития в длинные курганы, оставались в некоторых могильниках независимо от времени их сооружения.

В псковских длинных курганах преобладают элементы, одинаковые с распространенными западнее Чудского озера, на территории Эстонии, где также известны длинные курганы, а для полоцко-смоленских длинных курганов характерны западно-балтские формы, известные в соседней Латвии. Существенно различается керамика псковских и полоцко-смоленских длинных курганов. Для первых обычными являются грубые сосуды баночной формы, тогда как во вторых находятся лепные, а иногда и сформованные на гончарном круге профилированные горшки с четко выделенным венчиком и расширенной верхней частью тулова, украшенные скромным узором в виде насечек по краю венчика или даже нанесенными по плечикам сосуда оттисками веревочки, намотанной на конец палочки, аналогичными орнаменту на керамике роменской культуры. Эта керамика отсутствует в керамическом комплексе городищ типа Тушемли, что свидетельствует о появлении ее в длинных курганах Верхнего Поднепровья в более позднее время. П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт относят длинные курганы Смоленщины к VIII—X вв. и связывают их возникновение с распространением нового населения, каким могли быть только славяне, хотя вещи, находимые в погребениях с такой керамикой, — балтских типов [49, с. 33, 37, 41, 187 и сл.].

Новое население, разрушившее балтские городища-убежища и принесшее с собой длинные курганы, по мнению П. Н. Третьякова, были славяне-кривичи.

Однако мне представляется, что валообразные насыпи с содержащимися в них погребениями по обряду трупосожжения, т. е. длинные курганы, явно не принесены извне, а возникли на месте, по-видимому, на основе ранее распространенных погребений по обряду трупосожжения, сложенных нередко в

глиняные урны, в неглубоких грунтовых могилах. Такие погребения известны, например, в Акатове на Смоленщине [57, с. 189 и сл.; 58, с. 56], у с. Демьянки на Гомельщине [59, с. 187 и сл.], между селами Кветунь и Макорзно близ Трубчевска [60, с. 85 и сл.] и на оз. Узмень в Псковской обл. [61, с. 19]. Урны во всех этих могильниках грубые, лепные, банкообразные, с незначительно выступающими боками и слабо отогнутым венчиком. Интересно, что профилированная керамика, характерная для длинных курганов Смоленщины, вовсе не представлена в длинных курганах Псковщины, из чего, видимо, следует заключить, что население, с которым распространялась эта керамика, севернее Западной Двины не проникло и что там туземный облик культуры остался не затронутым чуждым влиянием.

Таким образом, длинные курганы — памятники не славянские, но керамика в смоленских курганах с ее роменскими формами и орнаментикой могла появиться в них только вместе со славянами, под влиянием распространившейся вместе с ними культуры, т. е. в результате тесных контактов местного населения с новым и сосуществования их друг с другом.

Как и длинные курганы, к славянским памятникам необоснованно причисляются так называемые сопки — большие крутобокие курганы, известные в Приладожье, Приильменье и в бассейне верхней Волги [62, с. 93; 63, с. 5—33]. Они считаются принадлежностью новгородских славян, датируются начиная с VI в. и служат доказательством раннего проникновения славян в эту часть Восточной Европы. Однако сопки по своему содержанию далеко не однородны, к ним относятся насыпи с различными погребениями. Часть их — «коллективные» захоронения, содержащие несколько разновременных погребений. В отличие от длинных курганов они увеличивались с новыми погребениями не в длину, а в высоту. Эти сопки по своему содержанию не отличаются от длинных курганов и, как и последние, принадлежат не славянам, а местному балтскому или финно-угорскому населению.

Степень археологической изученности средней полосы Восточной Европы I тыс. н. э. оставляет желать лучшего. Тем не менее в настоящее время мы можем говорить о том, что характерные для начала этого тысячелетия археологические культуры в дальнейшем претерпевают существенные изменения, возникают новые культуры. В бассейне верхней Оки культура середины I тыс. представлена так называемой мощинской культурой с восходящей к зарубинецким формам лошенной ребристой керамикой, прибалтийскими эмальями и подкурганными трупосожжениями, подобными раскопаным у деревень Шаньково и Почепок [64, с. 5 и сл.] Так называемые «большие курганы», встречающиеся в центральных областях России, одними признаками сходны с мощинскими курганами, а другими — с сопками, представляющими, по всей вероятности, локальный вариант этого рода памятников. Это тоже одиночные насыпи, содержащие по большей части следы нескольких трупосожжений [65, с. 7 и сл.] Распространены они на тех же землях, что и сопки и длинные курганы, но выходят и за пределы занятой ими территории.

К сопкам нередко причисляют и внешне сходные с ними курганы с погребениями норманнов [66, с. 188, и сл.] Различия между ними, действительно, трудноуловимы при отсутствии или нехарактерности погребального инвентаря. В целом же норманнские погребения выделяются не величиной курганной насыпи и не наличием каменных выкладок, а уплощенной вершиной и остатками кострища от трупосожжения на месте, заклепок от погребальной ладьи и вещей скандинавских типов. Они хорошо представлены в могильнике Плакун на берегу Волхова напротив Старой Ладоги [67, с. 31]. Там же найдены и норманнские трупоположения в деревянных камерах, известные в Швеции (могильник в Бирке) и Среднем Приднепровье (в частности, в Киеве). В число сопок включают иногда и наиболее значительные по величине славянские полусферические курганы.

Выше уже говорилось, что, отказавшись признать длинные курганы славян-

скими, мы допускаем, что встречающиеся в них в Верхнем Поднепровье элементы роменской культуры проникли туда все же со славянами, причем, естественно, не раньше возникновения этой культуры, т. е. не ранее VIII в. Собственно же славянскими памятниками являются полусферические курганы с трупосожжениями в насыпи, нередко в урне. Время распространения этих курганов в Верхнем Поднепровье И. И. Ляпушкин определил VIII в., хотя бесспорных данных в пользу такой датировки нет и хронология основывается только на общем представлении о времени возникновения роменской культуры, одним из признаков которой являются полусферические курганы [48, с. 57, 117, 118] Появление их в Верхнем Поднепровье и на Оке с равным основанием можно относить и к IX, и даже к X вв., т. е. датировать всем временем существования роменской культуры. Этим же временем, следовательно, следует датировать и проникновение роменских элементов в балтскую культуру длинных курганов, свидетельствующих о тесных контактах между славянами и балтами.

По всей вероятности, именно со вторжением славян в Верхнее Приднепровье можно связывать гибель балтских городищ-убежищ и святилищ типа городища Тушемля, случившуюся не ранее IX в. Славянские памятники во всех случаях, когда они оказываются на месте древних городищ, наслаиваются на остатки пожарищ, уничтоживших сооружения предшествующего времени, или находятся поверх стерильного слоя, образовавшегося в период более или менее длительного запустения данного места.

Не исключая мирного просачивания или внедрения более или менее значительных групп славян в соседние балтские или финно-угорские области, следует все же помнить, что главным фактором в их расселении было завоевание. В целом это подтверждается прежде всего быстрым продвижением славян на чужие территории, а также руинами сожженных балтских укреплений. Хотя ко времени вторжения славян местное население ненамного уступало им по уровню своего социально-экономического развития, оно было разобщено в слабо населенной лесной стране и не могло, очевидно, организовать действенного отпора.

Для завоевания новых земель не требовалось сложной организации и больших армий. Первыми в чужую среду проникали группы промысловиков пушнины и торговцы, которые, как позже новгородские ушкуйники или московские землепроходцы, не довольствуясь мирными способами обогащения и встречая противодействие, силой облагали местное население более или менее обременительной и регулярной данью (ясаком).

Добычу они сбывали прибывшим в их земли иноземным купцам или составляли торговые караваны и отправлялись с ней в заморские страны, сами превращаясь в торговцев, а нередко и в разбойников. В целом они ничем не отличались от скандинавских викингов, поскольку порождены были такими же условиями распада первобытно-общинных отношений и развития социально-экономической дифференциации. Их отряды также формировались из добровольцев, вышедших из семей сельских хозяев заселенной славянами земли. Такие славянские дружины, обосновываясь в завоеванных областях, жили за счет подчиненного ими местного населения, не порывая, однако, связей с землями, из которых ушли. Только этим можно объяснить прочные связи отдельных центров среднеднепровской Руси с определенными подчиненными им периферийными областями [68, с. 41—43]

Причины, побудившие славян переселяться из среднеднепровской Лесостепи на север, в лесную полосу, были и внешние, и внутренние. С ослаблением Хазарского каганата положение славян на границе с кочевниками значительно усложнилось. Еще в IX в. в Поднепровье проникли мадьяры, за ними в степях Северного Причерноморья появились печенеги и гузы и, наконец, в XI в. — самые опасные и сильные из степняков — половцы. Все они совершали набеги на славянские поселения, жгли, убивали, захватывали в плен и грабили население. Пожарища и трупы оставляли они на своем пути. Естественно, страдавшие от

набегов кочевников земледельцы стремились укрыться под защитой непроходимых лесов и болот.

Другой причиной интенсивного заселения лесной полосы славянами было, по-видимому, быстро возникающее перенаселение в каждой отдельно взятой общине. Появлялась необходимость в устройстве заимок, выселков и переселении избыточного населения на новые места. При этом переселения были не стихийными, не беспорядочными, а вполне организованными и целенаправленными. С X в. они направлялись княжеской властью, заинтересованной в закреплении за собой захваченных участков балтских и финских областей, составлявших в совокупности ту «Внешнюю Русь», о которой писал Константин Багрянородный [69, с. 272] и которая долго противопоставлялась среднеднепровской, собственно Русской земле с ее сплошным славянским населением.

Движение переселенцев, как и вообще движение в заросшей непроходимыми дебрями земле, происходило по рекам; в сторону от больших речных магистралей славяне долго не проникали, и там сохранялось прежнее население. Следует сказать, что славянская колонизация (завоевания) ничем не отличалась от других того же рода явлений мировой истории. Славяне захватывали лучшие земли, при этом нередко уничтожая местное население. Однако в ряде случаев славяне мирно соседствовали с покоренными и вступали с ними в те или иные формы постоянных контактов: происходили сближение и смешивание их между собой, а в конечном счете ассимиляция одних другими. Хотя славянские этнические признаки при этом преобладали, у возникших в процессе смешивания поколений сохранились и некоторые черты «туземного» происхождения, составившие тот субстрат, который определил возникновение в дальнейшем белорусского и великорусского народов с их локальными подразделениями. В одном случае таким субстратом был балтский, в другом — финно-угорский.

Этническое своеобразие летописных племен (земель) возникло не столько за счет особенностей различных групп славян, участвовавших в их образовании, сколько за счет того местного (туземного) субстрата, который славяне застали на землях своего расселения и затем ассимилировали. Это местное население не было одинаковым и делилось не только на балтов и финно-угров, но и на различные этнические подразделения тех и других, что не могло не сказаться на облике слившихся с ними славян. Границы летописных «племен» определяются прежде всего субстратом, на который наслонилось славянское население, теми этническими группами, с которыми встретились славяне. Племенной организации ко времени колонизации не было даже в областях со сплошным славянским населением, там господствовали территориальные образования с незначительными локальными различиями, возникшими в процессе длительного совместного обитания. Поэтому возможностей для возникновения племен в новых областях славянского расселения не было: этнические образования там формировались на территориальной основе.

Археологические открытия последнего времени не оставляют сомнений в том, что славянское завоевание лесной полосы Восточной Европы совпало по времени с проникновением туда же норманнов, известных в русской летописи под именем варягов. Варяги появились там местами даже раньше славян. Так, на Волхове известны варяжские памятники, датирующиеся концом VIII в. В Ладоге варяжско-финское население было задолго до славян, следов которых до начала X в. в этом городе не обнаружено [70, с. 76 и сл.; 71, с. 61 и сл.]

Летопись сообщает, что прибывшие из-за моря варяги вносили дань с чуди, веси, мери, кривичей и славян, а в легенде о призвании варягов говорится, что Рюрик раздавал «мужам своим города» и что варяги в этих городах — «находники» [28, с. 18], т. е. пришельцы, завоеватели. Далее в летописи следует, что варяги подчинили обширную область от Ладоги и Белого озера до бассейна Западной Двины, на востоке включающую верхнее течение Волги, откуда речной путь вел в Каспийское море — в привлекавшие варягов богатые страны Востока.

Еще в 40-х годах IX в. на о-ве Готланд был зарыт в землю большой клад арабских серебряных монет, попавших туда не иначе, как по Волжскому пути. Ко времени между 864 и 884 гг. относятся первые известия о варягах-руси на Каспийском море [72, с. 4, 5]. В Верхнем Поволжье известен ряд курганов с трупосожжениями скандинавского типа. Три могильника с такими курганами известны в окрестностях Ярославля. Кроме норманнских в них есть славянские и финские погребения, причем славянские относятся ко времени не раньше X в., тогда как некоторые норманнские датируются IX в. [73, с. 226 и сл.]

В числе подчиненных варягами в летописи помимо финнов значатся новгородские славяне и кривичи, причем о новгородских говорится, что это люди варяжского рода, прежде бывшие славянами [28, с. 18]. Здесь летописцем допущена явная несообразность: как славяне могли стать варягами? Они могли присоединиться к варягам, но и то только в X в., так как до этого славян в Приильменье не было. По всей вероятности, в дошедших до летописца сведениях о нашествии варягов славяне вовсе не упоминались, и они понадобились ему в качестве участников пресловутого «призвания», для чего варяги и стали бывшими славянами. Впрочем, вполне возможно, что под «варягами, прежде бывшими славянами», подразумеваются те южно-балтские славяне — «руги», об участии которых как варягов в возникновении Русского государства настойчиво в течение уже полутора столетий говорят некоторые авторы [74, с. 253—277]. Ввиду этого следует указать, что в археологических памятниках времени формирования Русского государства никаких следов южно-балтийского славянского происхождения не отмечено. Все, что можно отнести за счет южно-балтийского влияния на северо-западе Руси, датируется более поздним временем — XII, особенно XIII вв., да и то с большой долей сомнения в таком именно происхождении этого рода элементов, так как при ближайшем рассмотрении многие из них оказываются распространенными не только в Южной, но и во всей Прибалтике. Что же касается связей с южно-балтийскими славянами, устанавливаемых лингвистами, то они, как обычно в языковых данных, оказываются весьма неопределенными по времени своего возникновения, что лишает их доказательности в решении вопроса об отношениях Северо-Западной Руси с Южной Прибалтикой в интересующее нас время.

В летописи в связи с призванием варягов городов со славянскими названиями, таких, как Новгород, Изборск, Белоозеро, в IX в. не было. Возникновение славянского Новгорода относится к X в. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский [75, с. 32 и сл.] сужают тему призвания до размеров Новгорода, будто бы составившегося из трех поселков, принадлежавших славянам (Славно), кривичам и мере (Неревский конец). Однако авторы лучше, чем кто-либо, осведомлены, что в настоящее время нет реальных данных о существовании таких поселков, так как следов IX в. в Новгороде вообще пока не найдено. К тому же нет оснований и для предположения на месте Новгорода поселения кривичей, а тем более мерян, основная территория которых находилась вдали от Новгорода — в бассейне верхней Волги. В городище так называемого Труворова Изборска славянские отложения в культурном слое также датируются не раньше X в. [76, с. 65 и сл.] В предшествующее время оно, как Псков и Камно возле Пскова, было заселено финнами, с культурой, не имеющей ничего общего со славянами. Дославянский предшественник Изборска назывался, надо полагать, не славянским именем, а как-то иначе, подобно Ладоге — Альдейгобургу. Точно так же и Белоозеру предшествовало неизвестное название, данное ему дославянским населением. Включение славянских городов в летописный рассказ о призвании варягов может служить лишним доказательством сравнительно позднего его сочинения.

Более вероятным представляется распространение власти варягов на кривичей, в то время (IX в.) еще не славян, а балтов. Название «кривичи», по-видимому, не славянское, а балтское, только в славянской огласовке, перенесенное с балтов на славян. Находки в Старой Ладоге вещи балтского происхождения,

преимущественно женских украшений и керамики, свидетельствуют о связях варягов Приладожья с кривичами.

Встречное движение славян и варягов привело к столкновениям их друг с другом. В одних случаях брали верх славяне, в других — варяги. В летописной легенде о призвании варягов говорится, что славяне изгнали варягов за море, но что те вскоре вернулись по добровольному приглашению славян и других, ранее подвластных варягам народов. Не в связи ли с борьбой славян с варягами находится пожарище, разделяющее слой Ладоги (слой Е) на две части [77, с. 155]? Возможно, оно относится ко времени изгнания варягов. Однако вскоре после истребительного пожара поселение было восстановлено с постройками того же скандинавского типа, какие были в предшествующее время, из чего можно заключить, что в это время (IX в.) смены населения в Ладоге не произошло.

Период борьбы славян с варягами не был продолжительным и завершился объединением тех и других на почве общих целей — подчинения местного населения и обложения его данью и поборами. Немалую роль в процессе объединения славян и варягов сыграло, возможно, соперничество отдельных варяжских дружин между собой. Преимущество оказывалось на стороне тех из них, которые раньше успели усилиться за счет привлечения на свою сторону славянских воинов. Ярчайшим памятником такого объединения является Гнездовский курганный могильник на верхнем Днепре, где славяне и варяги еще в IX в. встретились друг с другом.

Этот исключительный по размерам могильник состоит из нескольких тысяч курганов разной величины. В него входят, во-первых, славянские трупосожжения в урнах, помещенных близ вершины полусферической насыпи; во-вторых, подкурганные балтские (такие, как в длинных курганах) погребения, тоже трупосожжения, покрытые перевернутым вверх дном горшком или с положенным возле останков трупосожжения целым или же разбитым горшком; в-третьих, скандинавские трупосожжения на месте с кальцинированными костями, собранными в урну, помещенную на кострище или на каменной выкладке, а также совершенные в ладье, и не только с отдельными вещами скандинавских типов, но и с наборами металлических принадлежностей мужской, а иногда и женской одежды, свидетельствующими, что вместе с норманнами погребались и жены. Наконец, отдельные, найденные в курганах вещи финских типов указывают, что, вероятно, в могильнике погребались иногда не только славяне, балты и варяги, но и финно-угры [78]. Несколько трупоположений, обнаруженных на могильнике, относится к тому же времени, что и сожжения. Большинство погребений датируется X в., но возник могильник еще в IX в.

Представители разных этносов и народов северной части Восточной Европы вместе с норманнами входили в состав того сложного военного образования, сформировавшегося преимущественно из славян и варягов, которое стало известно под именем руси и жило в находившихся возле могильника поселениях, предшествовавших Смоленску, возникшему в конце XI — начале XII в. Подобные могильники были и возле других опорных пунктов славянских и варяжских завоевателей, например близ Ярославля [79].

Гнездовский могильник расположен на берегу Днепра ниже Смоленска на 12 км — в начале днепровской части водного пути «из варяг в греки». Это было главное место сбора воинов и купцов, из которых составлялись отряды, доходившие, как это описано у Константина Багрянородного, до Константинополя [69, с. 272, 273]. По пути они пополнялись такими же искателями удачи, в зависимости от обстоятельств то разбойничали, опустошая побережья Черного моря, то торговали привезенными с собой или награбленными по пути товарами. Еще во второй половине IX в. они иногда по маршруту, описанному Ибн-Хордадбехом, через Дон и Волгу переправлялись из Черного моря в Каспийское и там вели того же рода деятельность [80, с. 127 и сл.]. Из Гнездова же, вероятно, отправилась русь в набег на Константинополь в 866 г., и уже, наверное, оттуда

двинулась дружина Олега, обманом, под видом купцов, захватившая Киев в 882 г. [28, с. 20]

Русская летопись сообщает о совместном правлении в Киеве братьев Аскольда и Дира, а Масуди знал об одном славянском царе Дире, во владениях которого находились многие страны и обширные города, куда съезжались купцы с различными товарами [31, с. 137]. Характеристика «царства Дира», далекого и неизвестного автору, дана с обычным для восточного сочинения преувеличением. На самом деле, видимо, оно соответствовало земле полян. Можно предположить, что у Дира был воевода Аскольд, по значению не уступавший ему настолько, что в предании оба превратились в братьев-соправителей. Такое сочетание наследственного главы и военного предводителя типично для раннеклассовых политических образований.

Были ли отношения между Аскольдом и Диром такими, какими они нам представляются наиболее вероятными, или оба происходили из обосновавшихся в Киеве варягов, действовавших независимо от «династии» Рюрика, захватившего власть на северных рубежах расселения славян, в данном случае несущественно. Важно, что во второй половине IX в. Киев с полянской землей был самостоятельным политическим образованием — княжеством, вероятно, не отличавшимся от других княжеств или земель, известных летописи под названиями, нередко принимаемыми ныне за названия племен. Часть их — по левой стороне Днепра находилась под властью хазар, а другая часть — на правобережье была независимой и управлялась князьями, какие, впрочем, были и у подвластных хазарам земель.

Если даже отклонить как недостоверные или по крайней мере дискуссионные житийные сведения о набегах руси на Амастриду и Сурож до 842 г., все равно в проповедях 869 г. и в окружном послании 867 г. патриарх Фотий называет народ рос как хорошо известный в Византии. Из его послания следует, что вскоре после набега на Константинополь росы приняли христианство, а русская летопись сообщает, что в числе крестившихся был Аскольд. Над его могилой стояла церковь Николы, что косвенно подтверждает это сообщение [28, с. 20; 81, с. 430; 82].

Еще в 838 г. в византийском посольстве императора Феофила, прибывшем в Ингельгейм к императору Людовику Благочестивому, оказались послы кагана росов, которые не могли вернуться из Константинополя прямым путем, потому что он был перерезан опасными врагами [83, с. 18—20], видимо вторгшимися в это время в степное Поднепровье мадьярами. Каганом народа рос мог быть только глава среднеднепровских славян, принявший этот титул в знак освобождения от хазарского ига и равноправия с главой хазар.

Ибн-Русте, текст которого восходит к IX в., говорит, что русы имеют царя, который зовется хакан-рус (рос) [84, с. 35]. В письме к императору Василию Македонянину, датированном 871 г., король Людовик Немецкий называет четыре народа, правители которых носили титул кагана: авар, хазар, норманнов и болгар [85, с. 238]. В данном случае норманнами названа русь, поскольку варяги уже были в Киеве и русь частично была «норманизована». Этот титул впоследствии прилагался к киевским князьям Владимиру Святославичу и Ярославу Мудрому. В Софийском соборе в Киеве сохранились граффити XI в. с поминанием «кагана нашего» [86, с. 49 и сл.]. Каганом же именуется в «Слове о полку Игореве» и князь Олег Святославич [87, с. 30].

Возникновение Росского каганата произошло при следующих обстоятельствах: в начале IX в. в Хазарском каганате разразилась междоусобная война между захватившей власть иудейской верхушкой хазарской аристократии и недовольными узурпацией другими представителями хазарской знати. Восставшие привлекли на свою сторону мадьяр из-за Волги, но хазарскому правительству с помощью нанятых гузов удалось подавить восстание. Мадьяры были оттеснены на запад — за Днепр, а вместе с ними ушли и уцелевшие от расправы хазарские мятежники, образовавшие сообщество так называемых кабаров, т. е. мятежников [29, с. 324; 88, с. 145, примеч. 1].

Этими-то событиями и воспользовались среднеднепровские славяне, чтобы освободиться от власти хазар и основать независимое государство во главе с каганом, равноправным с верховным владыкой хазар. Новое государственное образование, естественно, нуждалось в военной силе, способной противостоять хазарам, и охотно привлекало на службу появившихся на среднем Днепре варягов. Этим и объясняется, вероятно, что попавшие в Ингельгейм послы кагана, стремившегося установить связи с Византией, оказались норманнами.

Какие земли входили в состав Росского каганата — неизвестно. Несомненно, в нем были поляне и, возможно, северяне, хотя различие между теми и другими тогда едва ли существовало. Мало вероятно участие в этом политическом образовании древлян и других правобережных славянских княжеств, и без того независимых от хазар. Вне его находились также радимичи и вятичи, так как формирование их как особых объединений относится ко времени не раньше IX—X вв., а их территория не входила в понятие «Русская земля», как она очерчивается по данным русской летописи и других древнерусских источников [89]. Находясь за пределами этой земли и не подчиняясь власти киевского князя, вятичи и радимичи признавали над собой власть хазар и, чтобы обеспечить себе относительную безопасность с их стороны, платили каганату дань «с дыма». Следов проникновения в их области руси (славяно-норманнов) не обнаружено, а по летописным данным, их дважды завоевывали киевские князья Олег и Владимир [28, с. 18, 20, 58, 59]. Русские (славяно-норманнские) могильники имеются в Киеве, где ряд погребений обнаружен на месте Ярославова города, застроенного в XI в. [90, с. 127 и сл.], и под Черниговом, где сохранился большой Шестовицкий могильник, возникший, как и Киевский, еще в IX в., хотя большинство исследованных в этих могильниках погребений датируется X в. [91; 92, с. 28].

Славянское государство на среднем Днепре не могло получить свое имя от варягов, известных финнам под именем руотси или руси [93, с. 43 и сл.]. Оно задолго до появления варягов называлось Росским, потому что его территория была известна под именем Росской, а в дальнейшем Русской земли. Вполне вероятно, название этой земли восходит к ираноязычным роксоланам (росаланам), какие позже по-готски назывались «росоманами» и при появлении гуннов первыми восстали против готов, а затем вошли в состав завладевших страной гунно-болгар [29, с. 289 и сл.].

Упоминание народа «рос» в Восточной Европе имеется у сирийского историка VI в. Захария Ритора [94, с. 42 и сл.]. Вряд ли тогда оно относилось к славянам. Это имя дошло до заселивших Среднее Приднепровье славян вместе с волынцевской культурой, которая вошла в круг славянских культур только в VIII—IX вв. Вполне вероятно, с появлением варягов старое название «Росская земля» превратилось в Русскую землю, что благодаря созвучию этих названий было нетрудно, но не исчезло из памяти народной и дожило до наших дней в слове Россия и производных от него: российский, россиянин. Под именем рос-рус выходцы из этой земли стали известны в Византии и у арабов, вне зависимости от их действительной этнической принадлежности. Были ли они славянами, норманнами, балтами или финнами, они одинаково представляли Росское или Русское государство.

Не входя далее в историографию давнего вопроса о происхождении имени «Русь», последняя сводка материалов и суждений по которому содержится в статье А. Г. Кузьмина [95, с. 28 и сл.], я со своей стороны еще раз отмечу, что оно не было названием норманнов, ставших известными славянам под именем варягов (имени тоже неясного происхождения)

Среднеднепровский Росский каганат просуществовал недолго. Подавив смуту в своем государстве, отогнав за Днепр мадьяр, хазары попытались восстановить свою власть над некоторыми отложившимися во время войны народами. Однако среднеднепровским славянам удалось сохранить независимость от хазар. Опасность подстерегала Росский каганат с другой стороны, а именно —

от утвердившихся выше по Днепру варяго-славянских дружин, которые под предводительством Олега сумели захватить Киев и сделать его столицей созданного ими Русского государства. По словам русского летописца, русь в войске Олега состояла из «варягов, славян и прочих» народов [28, с. 20]. Ко времени захвата Киева эта разноплеменная русь с норманнской династией во главе успела утвердиться не только в Приладожье и Приильменье, но и на верхней Волге, и на Западной Двине, и на верхнем Днепре. Дружины Олега и Игоря, овладев к тому же и Росским каганатом, объединили большинство восточно-славянских земель, а также и подчиненных славянами и варягами областей, занятых балтским и финно-угорским населением. Так они создали обширную «Русскую империю», представляющую собой крупную международную силу, с которой приходилось считаться и Хазарии, и Византии.

Разнородный состав руси получил отражение в неопределенных представлениях о ней у других народов — у арабов и византийцев. Для них русь была одновременно и славянской, и норманнской, и даже каким-то военно-торговым сословием. Арабские авторы писали, что росы-русы не занимались сельским хозяйством, а жили грабежом окружающего населения, обозначаемого безразлично к его этнической принадлежности словом «сакалиба» — славяне. Собираясь отрядами в сто или более человек, русы нападали на славян, забирали у них продовольствие и захватывали их самих в плен, а затем продавали в рабство в Хазеране (Итиле) или Булгаре. По выражению Гардизи, «посев их (русов. — М. А.) — грабеж славян». Чтобы обезопасить себя от руси, многие славяне сами поступали на службу к ним, т. е. сами становились русью [96, с. 81, 82]. Таковы были отношения руси и других народов Восточной Европы в IX в.

Константин Багрянородный рисует следующий этап в отношениях руси и славян, характерный для X в., когда грабеж заменился регулярной данью. Его деление Руси на Внутреннюю и Внешнюю определяет положение руси как народа в Среднем Поднепровье. Русь, обитавшая здесь, была Внутренней русью, по отношению к которой вся остальная подвластная ей территория была Внешней русью. Зимой русь из Киева отправлялась в «полюдье» — за сбором дани с древлян, дреговичей, кривичей, северян и остальных славян и неславян, проживающих во владениях руси. Русским у этого автора выступает норманнский язык, что вполне объяснимо, так как соответствует данным о захваченной норманнами и их династией власти над Русью [69, с. 273].

Собранная дань шла на содержание князя и его дружины и служила товаром в торговых отношениях с Византией и Востоком. Существенным добавлением к ней оставалась также и единовременная добыча, поскольку князь вел постоянные войны, направленные не только на расширение владений, но и просто для грабежа. В случае необходимости дружина усиливалась за счет ополчения, состоявшего из подвластного населения.

Однако князь с дружиной играл и другую роль, защищая подвластную территорию от врагов и обеспечивая и даже организуя колонизацию новых земель с целью закрепления их под своей властью и, что самое главное, поддерживая местную знать в ее отношениях с общинниками. Это последнее обстоятельство и было важнейшим условием прочности княжеской власти. Варяги смогли удержаться во главе Русского государства, только подчинившись интересам формирующегося господствующего класса, слившись со славянской аристократией. Они вместе со всей русью составили аппарат принуждения, без которого невозможно было существование государства (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 358).

Возникновение «империи Рюриковичей» было завершением процесса распада первобытно-общинных отношений и условием перехода от них к феодальному строю, явившемуся, конечно, не в готовом виде, а выработанному в течение длительного времени в соответствии с внутренними и внешними условиями Русского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / Пер. Кондратьева С. П. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
2. *Жебелев С. А.* Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI—VII вв. // Исторический архив. 1939. Т. II.
3. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Пер. Скржинской Е. Ч. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
4. *Менандр Византиец* // Византийские историки. СПб., 1860.
5. *Артамонов М. И.* Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
6. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М.: Наука, 1969.
7. *Русанова И. П.* Карта распространения памятников типа Корчак // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
8. *Баран В. Д.* Деякі підсумки дослідження поселень черняхівського типу у верхів'ях Дністра і Західного Бугу // Слов'яноноруські старожитності. Київ: Наук. думка, 1969.
9. *Спицин А. А.* Древности антов // Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.
10. *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. 1953. Т. XVII.
11. *Fettich N.* Archaeologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metalkunst // AN. 1951. Т. XXI.
12. *Сымонович Э. А.* О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья (по керамическим материалам) // СА. 1966. № 3.
13. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне. М.: Наука, 1965.
14. *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970.
15. *Рутковская Л. М.* Исследование стойбищ скотоводов на левом берегу Орели // АО—1968. М., 1969.
16. *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда // АО—1966. М., 1967
17. *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда // АО—1967. М., 1968.
18. *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда // АО—1970. М., 1971.
19. *Березовец Д. Т.* Поселения улочей на р. Тясмине // МИА. 1963. № 108.
20. *Сміленко А. Т.* Осіле населення степового Подніпров'я в ранне Середньовіччя // Археологія. 1969. Вып. XXII.
21. *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. 1963. № 108.
22. *Рафалович И. А.* Население Пруто-Днестровского междуречья во второй половине I тысячелетия н. э. // Тези пленарних і секційних доповідей. XV наук. конф. інституту археології, Одеса, 1972.
23. *Varnea I.* L'incendie de la cité de Dinogetia au VI siècle // Dacia. 1966. Т. X.
24. *Артамонов М. И.* Славяне и болгары в Поднепровье // Berichte über des II Internationalen Kongress für Slavische Archäologie. В. 1. Berlin, 1970.
25. *Артамонов М. И.* Болгарские культуры северного и западного Причерноморья // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1970.
26. *Артамонов М. И.* Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура // Археология. 1969. № 3.
27. *Шовкопляс А. М.* Археологические раскопки раннеславянских памятников в Киеве // Тези пленарних і секційних доповідей. XV наук. конф. інституту археології. Одеса, 1972.
28. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
29. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
30. *Labuda N.* Pierwsze państwo slowiańskie. Państwo Samowa. Poznań, 1949.
31. *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
32. *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916.
33. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., Наука, 1966.
34. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
35. *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. 1955. Т. XXII.
36. *Бобринский А. А.* Перещепинский клад // МАР. 1914. № 34.
37. *Маршак Б., И., Скалон К. М.* Перещепинский клад. Л., 1972.
38. Никифора патриарха константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия // Византийский временник. 1950. Т. III.
39. Летопись византийца Феодана // Чт. МОИДР. 1884—1887.
40. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., Наука, 1980.
41. *Березовец Д. Т.* Харівській скарб // Археологія. 1952. Т. VI.
42. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.
43. *Гончаров В. К.* Лука Райковецкая // МИА. 1963. № 108.
44. *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. // КСИИМК. 1955. Вып. 59.
45. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
46. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
47. *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965.
48. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. 1968. № 152.
49. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

50. *Сымонович Э. А.* Городище Колочин на Гомельщине // МИА. 1963. № 108.
51. *Третьяков П. Н.* Что такое «пастырская культура»? // СА. 1971. № 4.
52. *Русанова И. П.* О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
53. *Русанова И. П.* Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966.
54. *Третьяков П. Н.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. № 4.
55. *Брайчевская А. Т.* Кузница на Пастырском городище // КСИА. 1959. Вып. 9.
56. *Березовець Д. Т.* Могилиники улічів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ; Наук. думка, 1969.
57. *Шмидт Е. А.* Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской области // СА. 1962. № 4.
58. *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. // МИА. 1963. № 108.
59. *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы близ с. Демьянки // СА. 1967. № 1.
60. *Артишевская Л. В.* Могилиник раннеславянского времени на р. Десне // МИА. 1963. № 108.
61. *Минасян Р. С.* Работы в окрестностях пос. Усвяты // АО—1971. М., 1972.
62. *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки // МИА. 1941. № 6.
63. *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. 1970. Вып. Е1-8.
64. *Бульчев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
65. *Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов // КСИА. 1960. Вып. 81.
66. *Тухтина Н. В.* Об этнической принадлежности погребенных в сопках волоховского типа // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
67. *Булкин В. А., Назаренко В. А., Носов Е. Н.* О работах Староладожского отряда // АО—1971. М., 1972.
68. *Алешковский М. Х.* Структура отчин трех Ярославичей // Тез. докл. науч. сессии Гос. Эрмитажа: Л., 1967.
69. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.
70. *Корзухина Г. Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладогe // СА. 1961. № 3.
71. *Корзухина Г. Ф.* К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тез. докл. третьей науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1966.
72. *Dorn V.* Caspia // Memoires de l'Academie de Sciences. 1875. VII Ser. T. XXIII. № 1.
73. *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.
74. *Вилинбахов В. Б.* Балтийские славяне и Русь // Slavia Occidentalis. T. 22. Poznan, 1962.
75. *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2.
76. *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. 1965. Вып. 7.
77. *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. // СА. 1950. Т. XIV.
78. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. № 28.
79. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
80. *Булгаков П. Г.* «Книга путей и государств» Ибн-Хордадбега // Палестинский сборник. 1958. Вып. 3 (66).
81. *Ловягин Е.* Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашего вступления на Константинополь // Христианское чтение. 1882. Ч. 2.
82. *Лопарев Х. Л.* Старое свидетельство о положении ризы богородицы применительно к нашему вступлению русских на Византию в 860 г. // Византийский временник. 1895. Т. II. Вып. 4.
83. «Annales Bertiniani» // Scriptorum rerum Germanicarum. Hannoverae, 1883.
84. *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Ибн-Даста. СПб., 1869.
85. *Da Costa-Luillet.* Ient-il des invasions russes dans l'Empire Byzantion avan 860? // Byzantion. 1940—1941. XV.
86. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев: Изд-во АН УССР, 1966.
87. Слово о полку Игореве / Под ред. Адриановой-Перетц В. П., М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
88. *Vanbëry H.* Ursprung der Magyaren. Lpz, 1882.
89. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
90. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
91. *Бліфельд Д. І.* Дослідження в с. Шестовіцях // АП. 1952. Т. III.
92. *Станкевич Я. В.* Шестовицкое поселение и могилиник по материалам раскопок 1946 г. // КСИА. 1962. Вып. 87.
93. *Ловмянский Г.* Руссы и руги // ВИ. 1971. № 9.
94. *Пигулевская Н. В.* Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
95. *Кузьмин А. Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10.
96. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967.